Пожалуй, люди по своей сути всё-таки эгоистичны, даже когда дело касается тех, кого они любят больше всего. Вэй Цзявэнь думал так, ощущая лишь глухую тоску.

Однако сидевший сзади Ли Яньси и не думал униматься — он всё бубнил и допытывался:

— Так кто это в конце концов?

Вэй Цзявэнь мягко ответил:

— Просто коллега, мы вместе репетируем новую песню. Её зовут Хэ Цjing, ты ведь её видел, помнишь?

Взглянув в зеркало заднего вида, Вэй Цзявэнь заметил, что Ли Яньси приподнялся, поджал губы и властно, без малейших возражений заявил:

— Какая еще Хэ Цзин, Ван Цзин — чтобы больше никого не возил, слышал?

Вэй Цзявэнь улыбнулся, и сердце его так и рвалось из груди, но он откашлялся и произвел:

— Хорошо, как скажешь.

Девятая глава

Вэй Цзявэнь вовсе не пил алкоголя, однако этой ночью они с Ли Яньси опьянели оба.

Ему казалось, что собственные шаги стали невероятно легкими, а душа сама собой воспарила куда-то ввысь.

Стоило им выйти из машины, как поцелуи начались снова — сплетаясь воедино, они добрались так до самого дома, едва сдерживаясь уже в прихожей.

Вэй Цзявэнь одной рукой старался удержать их обоих от падения, а другой принимался отвечать на шаловливые руки Ли Яньси, блуждающие то вверх, то вниз, и на его чувственные, манящие губы.

Вэй Цзявэнь с силой приподнял Ли Яньси, усаживая себе на талию, и те стройные ноги тут же послушно обвились вокруг его бедер. Страсть, что прежде таилась полунамеками, словно лицо за полупрозрачным веером, вмиг вспыхнула ярким, ни от кого не скрытым пламенем сухого хвороста.

Неизвестно чья рука первой расстегнула чью-то пуговицу, одежда раскидалась по полу, и наконец оба толкнули ту темную дверь. Ни у одного из них не было желания зажигать свет, и они рухнули вместе в самую сердцевину сплошного мрака.

Ни света, ни сияния, ни звуков, и уж тем fiи говорить о каком-то направлении — в объятиях друг друга оставались лишь самые первобытные порывы и желания, лишь живые и раскаленные добела тела посреди бесконечной темноты.

Всё свершилось само собой, легко и безупречно, а столкновения и слияние стали неизбежным венцом плотской страсти. В эту ночь с ясным, чистым лунным светом, в состоянии легкого опьянения, в этих взаимно опьяняющих отношениях — всё было ровно так, как надо.

Резкие толчки напоминали яростную битву, а принятие — стойкое и крепкое усердие. Они, вне

всякого сомнения, предавались этому без остатка, безумствовали и теряли голову от нахлынувших чувств.

Тяжелое прерывистое дыхание было сродни колдовским чарам, сорванные с губ стоны — рыбке, клюнувшей на сладкую наживку, а в самом конце их души разом упорхнули за пределы бренного мира, а духи рассеялись девятью небесами выше.

Словно неопытные в делах любви дети, они вновь и вновь испытывали на прочность порог наслаждения, раз за разом постигая магию близости, пока не выбились из сил и не охрипли.

Когда произошла последняя разрядка, грудь Ли Яньси, до этого поданная вперед, резко рухнула на постель. На мгновение ему показалось, будто душа отделилась от тела: темнота перед глазами обратилась клубящимся белым облаком, и сам он, усевшись на это белоснежное облачко, покачиваясь, улетел прочь.

Вэй Цзявэнь, изо всех сил вцепившись в плечи Ли Яньси, продолжал часто и глубоко входить в него, содрогаясь всем телом в невыносимом жару, после чего густая волна изверглась наружу.

Вэй Цзявэнь отстранился, быстро завязал узел на презервативе и швырнул его в мусорное ведро.

Опустив голову и заглянув в лицо Ли Яньси при лунном свете, он понял, что тот уже крепко спит. В груди Вэй Цзявэня всё растаяло от нежности, и он легко поцеловал его в лоб.

На следующий день оба проснулись лишь ближе к полудню, но даже пробудившись, всё еще тесно переплетались друг с другом.

Ли Яньси высвободился из оков Вэй Цзявэня и толкнул его, собираясь что-то сказать, однако горло оказалось необычайно хриплым, и он оставил эту затею.

Глядя на сонного Вэй Цзявэня, он почувствовал прилив радости, перевернулся и снова зарылся в его объятия.

Вэй Цзявэнь сонно приоткрыл глаза, притянул к себе человека в объятиях и мягко спросил:

— Проголодался?

Ли Яньси ощутил, как же невероятно хорошо сейчас лежать в объятиях Вэй Цзявэня, и совсем не хотел, чтобы тот вставал.

— Не хочу есть, побудь со мной еще немного, — проговорил он.

Вэй Цзявэнь поцеловал его в волосы, а затем в лоб и глаза.

Волна тепла разлилась в груди Ли Яньси, но мгновение спустя её сменили страх и смятение. Этот момент был чересчур нежным — таким, каким их отношения быть не должны.

В душе будто образовалась брешь, а в груди стало тяжело и душно. Он решительно протянул руку, слегка оттолкнул Вэй Цзявэня и глухо бросил:

— Не надо так.

Вэй Цзявэнь не понимал его переменчивости. Если поразмыслить как следует, Ли Яньси всегда

был именно таким: сначала дает сладкую конфетку, а следом тут же отвешивает пощечину. Тот мужчина, что источая запах алкоголя, заявлял ему не сметь возить домой других людей, исчез без следа вместе с выветрившимся хмелем. Нынешний же Ли Яньси обладал непробиваемой внешней броней — он был зрелым, равнодушным баловнем судьбы, к тому же колючей розой, играющей чужими сердцами.

На душе у Вэй Цзявэня сделалось кисло, прежняя уютная и теплая атмосфера в один миг развеялась без следа, оставив лишь горящие, покрасневшие уши.

Лишь спустя долгое время Ли Яньси откашлялся и неторопливо произвел:

— Я пойду умоюсь, а ты приготовь чего-нибудь поесть.

С этими словами Ли Яньси сам поднялся, накинул на обнаженное тело халат и скрылся в ванной.

Вэй Цзявэнь смотрел ему вслед, невольно касаясь рукой того места, где только что лежал Ли Яньси. Пальцы ощущали оставшееся от любимого человека тепло, тогда как на сердце оставалась лишь глухая пустота.

Завязанные узлом презервативы всё еще лежали в мусорной корзине, в воздухе витал дурманящий запах страсти, но Вэй Цзявэнь кристально ясно понимал: для Ли Яньси эта ночь любви была всего лишь ночью любви.

Встревоженный и потерянный, он заставил себя подняться с постели. Похожий на побитый морозом баклажан, он шлепал домашними тапочками в сторону кухни.

В холодильнике одиноко лежали те самые овощи, что он затолкал туда во время прошлого визита, и даже миски с палочками на полке шкафа стояли ровно в таком же порядке, в каком он оставил их, уходя в прошлый раз.

Вэй Цзявэнь знал: пока его нет рядом, Ли Яньси никогда не станет готовить дома, не говоря уже о том, чтобы встать к плите самому.

Он не мог точно описать то, что чувствовал: сначала всё занемело и словно покрылось мурашками, но если вдуматься глубже — по-прежнему саднило от боли.

Ли Яньси, без сомнений, был отличным покровителем — не скупился на золото, не страдал странными причудами и в большинстве случаев отличался на редкость легким нравом. Машина, на которой он ездил, была подарена Ли Яньси, цепочка на его шее — тоже подарок Ли Яньси, да и возможность записывать и выпускать песни отчасти объяснялась тайной и явной поддержкой Ли Яньси. При таком раскладе он должен был быть вполне доволен.

http://bllate.org/book/36253/4502202